

**Семенов В. Е. Трансцендентальные основы понимания
(И. Кант и неокантианство).**

Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008.

В монографии В. Е. Семенова ставится двуединая задача: эксплицировать проблему понимания в философии И. Канта и неокантианства и — на основе этого — создать первоначальный абрис общепhilософской теории понимания. Это, по словам автора, даст возможность «сформулировать некоторые основные конститутивные и регулятивные принципы феномена понимания, выделить наиболее существенные уровни «бытия» понимания». Несомненной заслугой автора можно считать постановку проблемы, которая до сих пор не рассматривалась так подробно и систематично ни отечественными, ни зарубежными исследователями. Уже в предисловии делается важный и принципиальный акцент на том, что проблема понимания изначально должна рассматриваться на наиболее глубоком уровне сознания — уровне трансцендентальной (чистой) субъективности, т. е. там, откуда берут начало все ментальные процессы. Можно согласиться с автором в том, что проблема понимания рассматривается различными направлениями герменевтики, как правило и прежде всего, на уровне языка, психики, исторического или филологического постижения предмета, а наиболее глубокий («трансцендентальный») уровень первоначального конституирования предмета остается вне фокуса зрения историков философии и специалистов по различным видам понимания. Именно по этой причине в первой части введения рассматривается история тех философских концепций понимания, создатели которых доходили при разработке этой проблемы до уровня трансцендентальной субъективности. Таким образом, в поле зрения автора прежде всего попали Аврелий Августин, В. фон Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей.

Во второй части введения В. Е. Семенов формулирует основную проблему-задачу монографии: рассмотреть трансцендентальную философию Канта и неокантианства под углом зрения проблемы понимания. Ибо именно у них — философов, наиболее глубоко анализирующих субъективность, — появляется тематизация феномена понимания на трансцендентальном уровне. Трансцендентальный анализ понимания предполагает изучение условий, чистой формы и механизмов и принципов понимания. Поскольку способность понимания представляет собою наиболее глубинную и фундаментальную структуру познавательной способности в целом, постольку и принципы понимания будут совпадать с принципами трансцендентализма как такового. Следовательно, можно сделать вывод, что В. Е. Семенов приступает к исследованию феномена понимания с непривычной и нетрадиционной стороны, а именно — «снизу», с базового уровня формирования предмета сознания вообще, а не «сверху», как это принято в герменевтике, т. е. не с уровня лингвистического и филологического определения объекта.

В какой же степени автору удалось решить поставленную масштабную и неисследованную историко-философскую и систематическую задачу?

Проблемным и смысловым центром всей книги является первая глава, посвященная экспликации проблемы понимания в метафизике И. Канта. Но и в ней можно выделить своеобразный тематический центр — это материал, связанный с рассмотрением дедукции категорий и аналитики основоположений, помещенных Кантом в «Трансцендентальную аналитику» как первого, так и второго изданий «Критики чистого разума». Таковую постановку вопроса — экспликацию механизмов и принципов понимания из трансцендентальной аналитики Канта — действительно нужно признать новой и не вполне обычной.

В первом параграфе автор утверждает, что проблема понимания стала в полной мере доступной для анализа лишь в результате «коперниканского переворота», изменившего положение субъекта в гносеологии. Ибо понимание на уровне условий возможности опыта есть точка соприкосновения Я и не-Я, условие того, что нечто чуждое (заданное) субъекту может стать его собственным, войти в структуры сознания, совпасть с ними. Таким образом, по мнению автора, понимание на уровне конституирования трансцендентальной субъективности предмета (т.е. опыта) означает принципиальную возможность этого предмета соответствовать гносеологическому аппарату, совпадать с ним, входить в структуры чувственности и рассудка. Далее автор делает вполне обоснованный и закономерный вывод о том, что кантовские условия возможности опыта (трансцендентальные структуры познания) правильнее называть условиями и структурами именно *понимания*, а не *познания*.

Для более глубокого обоснования этого вывода В. Е. Семенов обращается к анализу дедукции категорий в первом и втором изданиях «Критики чистого разума». Автор подчеркивает, что большое значение для исследования механизмов деятельности рассудка имеет то обстоятельство, что Кант приступает к дедукции через первоначальное обоснование понятия *связи*. Для кёнигсбергского мыслителя совершенно очевидно, что независимо от того, сознаем ли мы ее или нет, является ли она связью многообразного в созерцаниях или же в понятиях, — так или иначе связь не дается объектом, а привносится исключительно субъектом и является выражением и проявлением его самодеятельности. Отсюда ясно, что связь есть *действие* рассудка. Это действие Кант обозначает словом «синтез». Автор справедливо подчеркивает, что критическая философия преследует вполне доступные цели: обосновать познание и сделать его тем самым и точнее, и глубже и одновременно отграничить мир идей разума от опытного знания, сохранив при этом автономию и ценность *интеллектуального*.

В кантовском трансцендентализме *пространство и время* в сфере чувственности и *категории* в области рассудка оказываются теми самыми параметрами, в пределах которых и с помощью которых мы только и способны конституировать окружающий мир как предмет понимания. Только то из многообразного, что способно — по форме! — совпасть с ними, попасть в их границы, может стать предметом нашего опыта. В том случае, когда параметры многообразного совпадают с параметрами органов чувств и чистых интуиций созерцания (пространства и времени), это многообразное получает возможность войти в сферу чувственности человека и тем самым стать в будущем, в результате синтетической деятельности, “предметом-для-нас”, т.е. потенциальным предметом опыта. Если же такого соответст-

вия параметров не находится, то многообразное *для нас* не существует. Такое недоступное многообразное именуется *вещью самой по себе*.

Рецензируемый авторский анализ кантовской дедукции категорий позволяет определить В.Е. Семенова не только как убежденного сторонника кантовского трансцендентализма (стало быть, таковые существуют в современной философии!), но и причислить его к числу тех исследователей критического учения, которые подобно Г. Эллисону, Г. Прауссу, А. Мельнику, Р. Пишину и другим философам составляют *гносеологическое* направление интерпретации в современном кантоведении.

Далее автор монографии рассматривает конституирование понимания трансцендентальной схемой и приходит к заключению, что время-схема, находясь в определенном отношении и к чувственности, и к понятию, дает нам *наглядное понимание* предмета. Таким образом, понимание обладает темпоральной сущностью. Но поскольку время-схема формирует понимание с использованием изменяющихся во времени чувственных образов предмета и применяет при этом консервативные чистые рассудочные понятия, то, как следствие, одной из главных характеристик понимания будет его *историчность* и, следовательно, *социальность*. Такой авторский вывод не является новшеством для современных концепций понимания. Однако обнаружение подобных характеристик понимания в критической философии И. Канта и ее убедительную экспликацию можно поставить в заслугу В.Е. Семенову.

После этого автор выявляет и другие важные характеристики феномена понимания: обнаружение механизма понимания возможно только посредством *трансцендентальной редукции*, позволяющей достичь уровня чистой субъективности, и *трансцендентальной рефлексии*, исследующей сущность и структуры сознания, выявляющей источники познания. Следовательно, фундаментальной основой понимания, как и других ментальных процессов, является *трансцендентальное единство апперцепции*. Кроме того, понимание есть всегда *схватывание* (аппрегензия) — и чувственное, и интеллектуальное. При этом понимание всегда пользуется услугами *воображения* и *памяти* и без них не существует. Понимание может быть только *действием*. Само же действие может быть только *функциональным*.

Нужно признать, что такой набор предикатов понимания не вполне характерен для герменевтических исследований феномена и, по-видимому, действительно, может быть обнаружен только при обращении к трансцендентальному уровню рассмотрения действия сознания.

Ниже В.Е. Семенов анализирует регулятивные принципы понимания в практической сфере (во второй и третьей «Критиках»). В завершающем параграфе первой главы формулируются все эксплицированные *принципы* понимания: *принципы конститутивности, репрезентативности, функционализма, телеологизма*, а также и *уровни* понимания: *трансцендентальный, практический, эстетический* и т.д. Данный параграф можно рассматривать как своего рода промежуточный итог всей монографии, представляющий собой концентрированное изложение результатов анализа «Трансцендентальной аналитики», практического разума и рефлектирующей способности суждения. Такую же промежуточную оценку можем сделать и мы: автору достаточно убедительно удалось показать не только то, что проблема понимания действительно существует в кантовской критической философии, но и продемонстри-

ровать механизм и принципы действия сознания при формировании наиболее глубокого (фундаментального) уровня постижения.

Вторая глава посвящена реконструкции проблемы понимания в неотрансцендентализме Эрнста Кассирера. Здесь хотелось бы остановиться на анализе определения Кассирером *предметности познания*. По утверждению марбургского философа, мы познаем *не предметы, а предметно*: это означает, что сознание наше интенционально; оно, как ищущий радиолокатор, постоянно работает на прием нового содержания опыта и, обработав его своими инструментами, определив ему место в системе знания, отношений, делает его тем самым *понятным*. Уже отсюда становится ясно, что В.Е. Семенов, несмотря на различные современные оценки как школьной принадлежности философа, так и кантианской аутентичности марбургской школы в целом, рассматривает Кассирера (и демонстрирует это) в качестве достаточно последовательного сторонника Канта, хотя и на новом историческом этапе.

Далее рассматриваются *функциональная основа* понимания и *теория репрезентации* Кассирера. В частности, отмечается, что репрезентация как связывание частного с общим есть конститутивное условие всякого опыта. Каждый отдельный член опыта обладает символическим характером, так как в нем подразумевается общий закон ряда. От себя добавлю, что именно этим путем — путем функциональной и репрезентативной корреляции части и целого — должна решаться традиционная проблема герменевтического круга.

Проблеме символизма как выражению принципов функционализма и репрезентации посвящен отдельный параграф, в котором демонстрируется, что символ у Кассирера является «инструментом» понимания, а «индекс модальности» — парадигмой понимания в каждой конкретной символической форме. Символ выступает как репрезентант действительности. Но действительность эта оформлена единством символической функции в соответствии с «индексом модальности». Поэтому символ указывает не на так называемую «реальную» действительность физического мира, а на символический ряд. Символические формы рассматриваются как *уровни* понимания: если рассматривать форму генетически, то в ней мы обнаружим все имеющиеся уровни: от трансцендентального и феноменологического до более «высоких» — лингвистического, мифологического, исторического и т.д.

В этой главе, посвященной Кассиреру, автор анализирует не только трансцендентальный уровень конституирования понимания, но и обращается к более сложным «регионам» постижения действительности. Рассматриваются механизмы образования понимания в поливалентных сферах языка, мифа, религии, истории, науки. Тем самым В.Е. Семенов удачно дополняет анализ кантовского трансцендентального понимания экспликацией существования исследуемого феномена в различных культурно-символических сферах. Как следствие, возникает объемный стереоскопический взгляд на эту человеческую способность.

Хотелось бы отметить как еще одно несомненное достоинство работы: интересный анализ трансцендентальной редукции Генриха Риккерта и его концепции гносеологического субъекта (третья глава монографии «Концепция понимания в философии Г. Риккерта»). Результатом этого оказывается, что гносеологический субъект становится формой познаваемости,

главным *условием понимания* вообще; его наличие гарантирует способность понимания. Таким образом, автор рассматривает проблему понимания в философии Риккерта на фундаментальном уровне.

Особый интерес вызывает оригинальная авторская экспликация трех культурно-гносеологических «комплексов», осуществленная из риккертовской концепции «трех царств». На первом (*трансцендентальном*) этапе познания *гносеологический субъект* методом *понимания* конституирует предмет познания. Структурой трансцендентального понимания является *ценностная интенциональность*. Следующий этап познания — *истолкование* (интерпретация). Здесь *духовное «Я»* (как субъект данного этапа) постигает субъективный акт *оценки* с точки зрения его значения для *ценности*. На третьем этапе субъект (уже как «обыденный» человек) *объясняет* для самого себя окружающий мир «естественной установки». Таким образом, первому уровню познания соответствует *трансцендентальное* понимание, второму — *феноменологическое*, третьему — *конкретные процедуры* понимания и объяснения.

Эта экспликация и анализ «культурно-гносеологических комплексов» (по терминологии автора) — еще одно новшество книги В. Е. Семенова. По каким-то причинам эта тема философии Риккерта до сих пор не оказывалась в центре историко-философского исследования как отечественных ученых, так и зарубежных.

Значительный интерес представляет анализ чрезвычайно важной для тематизации проблемы понимания статьи Риккерта «Метод философии и непосредственно данное», которая до сих пор не была изучена достаточно подробно. Понимание рассматривается как принцип и закон, конституирующий человеческий мир, а не подсобная методическая процедура интерпретации уже ставшего. Последний параграф книги посвящен уровню исторического понимания Г. Риккерта. Здесь метод «отнесения к ценностям» определяется как функционально-репрезентативный принцип понимания, конституирующий мир культуры в целом. Хотелось бы посетовать, что интересные и малоизученные темы и проблемы знаменитого баденского неокантианца рассмотрены автором несколько лапидарно.

В рецензируемой книге автор сумел соединить темы, которые, казалось бы, не вызывают устойчивых ассоциаций — Кант и неокантианство, с одной стороны, и проблема понимания — с другой. Тем не менее следует признать, что поставленные задачи автор в целом решил: в гораздо большей степени удалась экспликация и тематизация проблемы понимания у И. Канта и в неокантианстве и осталась только намеченной общая концепция понимания.

В целом же можно заключить, что монография В. Е. Семенова способна занять достойное место в ряду исследований философии Канта и неокантианства, а также стать важным этапом в разработке общей теории понимания.

И. И. Ремезова